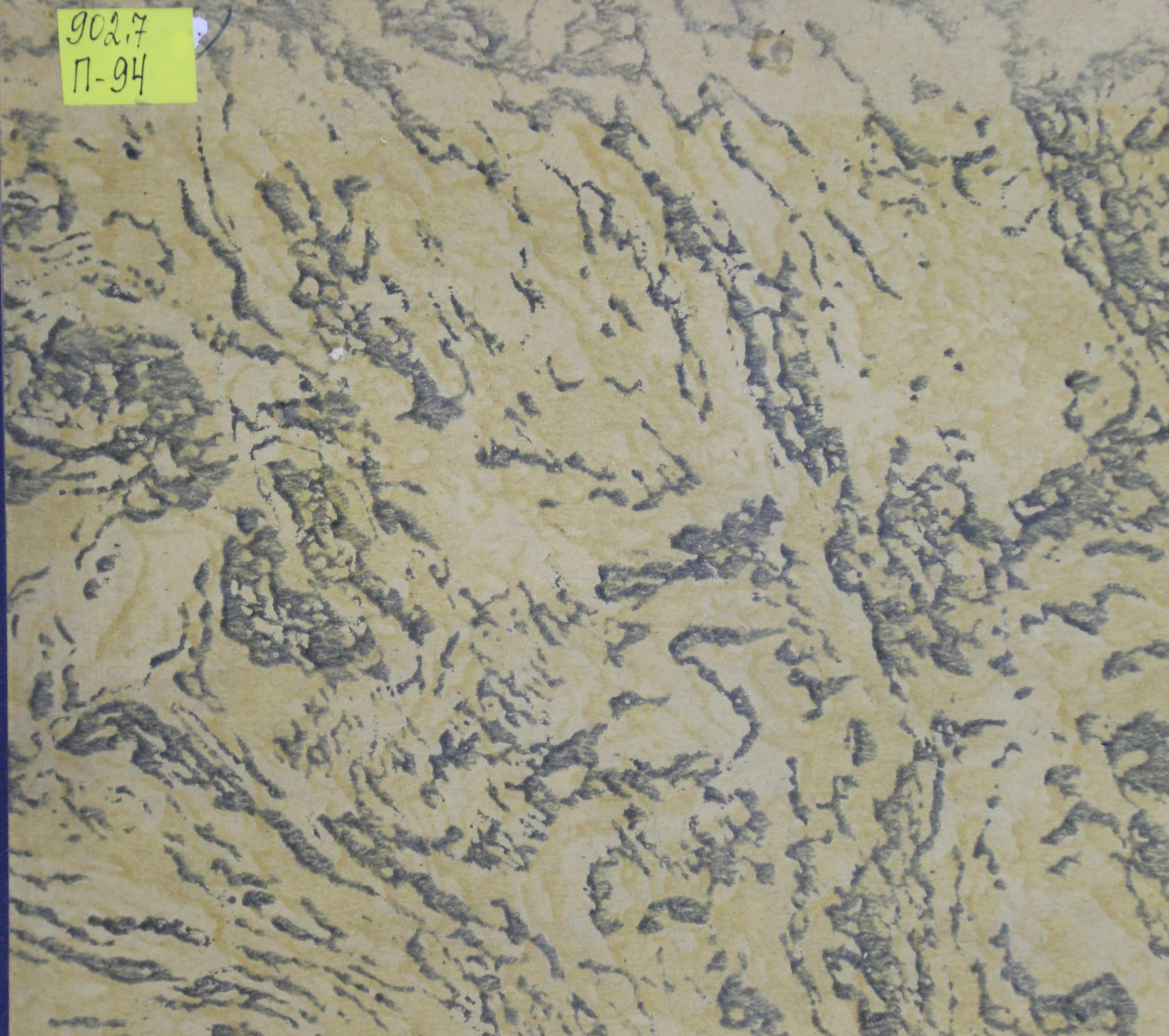

902.7
П-94

П-947

СТАРОЕ

ОЧЕРКИ И РА

О БЫВШИХЪ ВЪ ОТШЕДШЕЕ ВРЕМЯ
РЯДКАХЪ ВЪ УСТРОЙСТВЪ ДОМАШНЕЙ

М. И. ПЫЛЯ

97508-1

25794

Российской культуры
и природного наследия
библиотек

22 АВГ 2006

Государственный
театральный
библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СЫРГОНА, ЗАКЛАДЪ
1892

57 000 107

Какъ ѣли вст

Съре
Крас

Ѣда нашихъ предковъ въ XVII столѣтїи обыкновенною пищею простаго народа были рѣпчатый чеснокъ, или ячменная кашница. Пшеница и даже больше того, если въ нихъ было военное время въ войскахъ пшеница была — съ трудомъ иностраннѣмъ посланникамъ, повидно состояло изъ множества блюдъ, но нечистота и неказистый запахъ дѣлали ихъ почти неслѣдственными. Пшеница приправлена была конюшнямъ масломъ. Встарину коровье масло приготавливали съ солью, отъ этого оно скоро горѣло. Петръ Великій дѣлать его по голландскому способу, и иностранцы говорятъ, что единственно хороши были холодныя (Мейербергъ, стр. 37). До вѣдѣн русскихъ не знали другой огородной зелени: чеснока, луку, огурцовъ, редьки, бураковъ. Внѣшнѣмъ 11 вѣдѣн разводилъ въ Чугуевѣ арбузы и присылать въ Москву. Салата предки наши не знали, что въ его время русскіе стали разводить и артишоковъ не знали, не смотря на то, что они росли на поляхъ. Первые артишоки въ Петербургѣ привезли голландцы въ 1715 году. Русскіе встарину не знали, ни голубицаго мяса, ни раковъ и не знали, какъ себя умиралю (Рейнгольдъ, 198); также они не знали, какъ варить, которыя были употреблены женщинами

обыкновенными были: говядина, баранина и свинина, также домашний и дикий индейки. Индейки появились у нас около 1625 года. Приготовление мясных блюд было весьма просто: почти всё мясо варили в одной воде с небольшим количеством соли, луку и перцу, и нередко различныя виды мяса варились в одномъ горшкѣ. Къ мяснымъ кушаньямъ на столѣ ставили въ приправу: соленые огурцы, соленый сливы и кислое молоко.

Чтобы судить о мясныхъ и другихъ блюдахъ того времени, приведемъ то было подано царю Алексѣю Михайловичу въ сѣнникѣ во время бракосочетанія его съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной: «кисель въ серебряной ложкѣй братинѣ, да съ кормового двора приказныхъ бѣтовъ: паштетъ съ лимонъ по шварцнымъ изварамъ; рыба окрошенная подѣ лимона, петрохъ гусиный, да къ государынѣ царинѣ подано приказныхъ бѣтовъ: гуся жаркой, поросен жаркое, кури въ кольѣ съ лимоны, кури въ ланнѣ, кури въ пашѣ богатыхъ, да про государя же и про государыню цариню подаваны хлѣбныя бѣтвы: перенеча крупчатая въ три доватки недомѣтокъ, четь хлѣба ситного, курникъ подешивающъ яйца, пироги съ бараниною, блюдо широговъ кислыхъ съ сыркомъ, блюдо жароноконь, блюдо лимонъ тонкихъ, блюдо широговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо жарасей съ бараниной. Потомъ еще: пироги росольный, блюдо широговъ росольный, блюдо широговъ подовыхъ, на торговое дѣло, коронай яцкѣй, куличъ недомѣтокъ» и проч.

Но самыми любимыя блюда русскихъ были рыбныя; особенно такими любими они хвалялись пердѣ иностранцами. Рыба встарину не была дешева, и волжская свежая стоила въ цѣнѣ несравненно дороже мяса домашнихъ животныхъ и дичины.

Нарышкинскій Тавръ говоритъ, что иногда одну половину рыбы едали и сильные мужчины въ состоянн были подать на столѣ. Множество рыбъ, по его свидѣтельству, совсѣмъ не имѣли собственнаго своего вида, но искусствомъ поваровъ обрѣцены были въ индѣйскихъ петуховъ, куръ, гусей и проч.

Въ время стола 1671 года патріархъ подносилъ великому государю «домашняго кушанья въ три статьи по четыре бѣтвы: первая статья: щука паровая живая, лещъ паровой живой, стерлядь паровая живая, енина бѣлорыбца; вторая статья: олады, тѣльная живая рыбы, уха щучья живая, рыба, пироги съ тѣломъ живой рыбы; третья статья: щуки голы, головы острей живая, тонка бѣлужья; щучья подовали: ренское, да ромное, да бастръ».

Настоящая яства у насъ встарину были, какъ и теперь, рѣзныя: въ шиле не позволено было есть рыбу, а въ другіе — пить. Такъ, «въ среду перваго недѣли Великаго поста (1667 года) свѣтѣйшему патріарху подавали: супенныя: хлѣбець четь, паншоникъ, вощеръ сладкій съ шнечкомъ и съ ягодами, съ периромъ да съ шварцомъ, хрѣнь, грѣночанъ, кануска то-

паная холодная, горшечекъ зобъ медомъ, кашка торта съ макомъ, къ патріарху прислано: кубокъ кашин, хлѣбець крупчатый, перемъ, горшечекъ мазули съ ин-

Столъ домашній у русскихъ чался большимъ обиліемъ блюдъ примѣръ, когда нужно было число блюдъ доходило до пятидесяти, яства и напитки были выны и для питія ежедневно употреблялись въ Москвѣ, богатые вельможи держали рѣзную посуду, которую дѣлали обыкновенно позолочены. Оловянную большую рѣзность, но каждый кубокъ, изъ котораго подавали.

Въ бытность Мейербергъ въ хайловича, у бояръ столовая вилки, какъ и тарелки, были гостямъ. Бухавъ, бывши при столѣ не имѣлъ ни тарелки, ни подѣ него боярина.

Подавае, при Петрѣ Великомъ почти у всѣхъ серебряная, а у прѣдковъ и золотая. Графъ Семеновъ подавалъ императрицу на одномъ П. В. Шереметевъ, то его порешили золотую посуду на шестьдесятъ злотъ праздникъ, замѣчаетъ къ вилу меня, такъ это плато, котораго Оно предтавилъ на возвышеннн а на томъ возвышеннн былъ великн брилліантовъ».

Порядокъ угощенія былъ столѣтн. Такъ, въ XVII вѣкѣ и прѣтомъ жареными начинками тинъ, сперва подавали студень и

При Петрѣ Великомъ въ доклады о коровами, колбасами и д. блюдами, приготовленными съ комъ. Постѣ этихъ холодныхъ и другія теплыя кушанья и, изъ

живых и вареных в сахаръ плодовъ, по большей части въ дыняхъ и арбузахъ.

Десерты и закуски были особенно богаты въ XVII столѣтїи. Такъ, по случаю рожденія Петра Великаго, царю Алексѣю Михайловичу было подано на столѣ въ числѣ другихъ лакомствъ: коврижка сахарная большая — изъ государства московскаго; вторая коврижка сахарная же коврижчатая — стола большая росписана съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда двадцать фунтовъ; орель сахарный большой литой бѣлый и другой орель сахарный же большой красный съ державами, вѣсу въ шухъ по полтора пуда; десертъ сахарный литой, вѣсомъ два пуда; утя сахарная литая, вѣсомъ двадцать фунтовъ. Затѣмъ шли еще сахарные: понугай, голубь. Но верховъ кондитерскаго дѣла здѣсь были: городъ Кремль сахарный съ людьми въ шухъ и пѣниши; башня большая съ орломъ; башня средняя съ орломъ; городъ четвероугольный съ пушками; двѣ трубы сахарныхъ вѣсомъ по 15 фун.; марципанъ сахарный большой на пяти кругахъ; другой — апельсиновый; двѣ спицы сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, вѣсомъ по двѣнадцати фунтовъ каждая; соросъ блюдо сахаровъ узорочныхъ людей конныхъ, пѣнишъ и разныхъ статей, по полуфунту на блюдо. Слѣдовало дальше блюда смоквы, цукату, цитрону, шампалы, яблокъ мушкатерныхъ и иныхъ, индѣйскихъ овощей; всего такихъ блюдовъ было нарезано и подано 120*).

Изъ напитковъ русскихъ самые древнїе были меды. Пиво ветарину называлось «солуи»; меды были вареные и ставленые, перные варилась, вѣрнее только паникарь... (см. «Истор. Русск.», стр. 88). При Петрѣ Великомъ, при дворѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ стало входить въ моду венгерское вино: его употребляли при шухѣ въ торжественныхъ случаяхъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ стало уже входить въ моду шампанское — первый привезъ его въ Россїю французскій посланникъ маркизъ де-ла-Шетарди, а проагандировали его Андрей Шуваловъ и Григорій Разумовскій.

Обыкновеннѣмъ напиткомъ русскихъ былъ квасъ: пили его все отъ цари до крестьянина. Употребленіе чая стало извѣстно въ Россїи только около половины XVII столѣтїи. Сперва употребляли оиъ при царскомъ дворѣ какъ лекарство, и настоящій китайскій чай привозимъ былъ чрезъ Сибирь. Его еще тогда употребляли у насъ такъ мало, что Кильбургеръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1674 году, покупать его по 30 копѣекъ за фунтъ. Кофе впервые сталъ извѣстенъ въ началѣ прошлаго столѣтїя: первый кофейный домъ былъ заведенъ Петромъ Великимъ въ Петербургѣ въ 1704 году, но кофе вошелъ въ употребленіе только съ половины XVIII столѣтїя. Императрица Екатерина II была большой

*) См. «Истор. труды вольн. рос. собр. при Импер. Московск. универс.» ч. 4, стр. 158.

охотница до кофе и пила необыкновенно въ большой модѣ такъ называемый наго изъ шухи, вина и меду съ приваренно кошками. У малороссїевъ тако «варенухи». Сахарныя фабрики у насъ Петръ I указомъ 1718 и 1721 года голодной сахаръ; можно было ввозитъ въ царствованіе императрицы Елизаветы терять свой національный характеръ къ вельможамъ-гастрономамъ французскимъ и простымъ русскимъ лѣтка уступать. Въ это время русскій столъ состоялъ: 2) торчїя или похлебка; 3) вицары дѣлїе пришествіенныхъ столовъ: какъ сколько въ изобилїи и множествѣ: блѣдесять кувертовъ въ зимнее время сѣти блюдовъ; въ первой подачѣ идетъ тѣмъ двадцать четыре среднихъ антроевъ королевскихъ, терпимъ съ крысокомъ, руладовъ изъ кроликовъ, пулелѣдуетъ тридцать два орденца, въ коллитъ, крыла съ пармезаномъ, курицы идутъ «похлебки большїя блюда»; дѣлприборами, торбутъ глазированный ветчинною; послѣднїе емѣняютъ: курицы съ трюфелями. Послѣ на емѣну этихъ которые входить: рыбнїки по-испански камы, выюны съ фрикандо, курюкаты етапками, голубята съ раками, салминое: большїе антрое и салаты — аѣткока, тато компенской, зайцы молодые, совъ и пр. Послѣ слѣдуетъ двадцать во и холодныхъ; въ числѣ послѣднихъ: кремь, широкное, тартелеты, хлѣбцы салатовъ: померанцы и соусы съ тридц входить: пофрота по-королевски, цвѣтна буканы, гаселеты изъ устрицы и пр.

Въ Екатерининское время много своимъ извѣстными столами; къ числу надлежали: Потемкинъ, Строгановъ, Остенъ изъ этихъ вельможъ столъ отличался искусствомъ: у князя было до десяти сланиностей, начиная отъ французки и конча

вить князь кукурузную похлебку. По преданию, у Потемкина вся кухонная посуда была изъезжена серебром и съ такими чашками-костврами, въ которые входило до двадцати ведеръ жидкости; въ такой коствръ князь готовили уху изъ аршинныхъ стерлядей и кронштадтскихъ ершей. Столъ великодушнаго князя былъ баснословный: у него были чудные повара. Иногда рыбные блюда были приготовлены изъ однихъ рыбы, но, купивши, вы бы и не подозревали, что это рыбы: вамъ бы казалось, что это дичь, баранина, свиныя; каждое такое блюдо имѣло не только свойственный ему видъ, но даже вкусъ и запахъ. Его поварь-французъ ввелъ первый блюдо «буффы а-ла-Сардинваль»: это не были одни картофели, какъ теперь это считаютъ; въ то время это были котлеты, сдѣланныя изъ фарша всевозможной дичины. Императрица Екатерина II особенно ихъ любила, не смотря на то, что государыня не доллюбила изысканныхъ блюдъ, а предпочитала всему разварную говядину съ соевыми огурцами и соусъ изъ вилеитъ оленьихъ языковъ.

Потемкинъ очень любилъ гусиную печенку, которой некусьные повара, посредствомъ развариванья въ меду и молокъ, давали размеры почти невероятные. Точно также и свиную печень увеличивали въ то время до колоссальныхъ размеровъ; для этого кормили свинью грецкими орѣхами и винными ягодами, а передъ тѣмъ, какъ убить ее, поили допьяна лучшимъ венгерскимъ виномъ. Такая свинья за столомъ являлась почти исполинскою на видъ, не выпотрошенной; искусники повара дѣлали, что половина ея была сварена, а другая сырена; для этого свинью убивали, дѣлая въ паху небольшую ранку, и когда кровь стекала, ее тщательно вымыли виномъ, а внутренности вынимали изъ тора, затѣмъ брали колбасы и сосиски и пропускали ихъ черезъ горло, заливая отъ времени до времени кусками интеллигентнымъ соусомъ. Постѣ этого обмазывали одну часть тѣла свиньи толстымъ слоемъ тѣста, замѣшаннаго на винѣ и масле, и ставили жариться въ самый вольный духъ. Когда жаркое было готово, тѣсто снимали; та часть свиньи, которая была обложена, оказывалась какъ бы сыреною. Этотъ способъ приготовления былъ самый драгоценнѣйшій, онъ былъ извѣстенъ римскимъ гастрономамъ и носилъ названіе *potens trojanus*, въ честь «Троянскаго коня».

Также тогда извѣстенъ русскимъ гастрономамъ былъ извѣстенъ необыкновенно изящный соусъ, или, вѣрнѣе, соя; его приправляли почти всею кувшиною и даже устрицъ. Она дѣлалась изъ молока какой-то рыбы, прѣслилась, сушилась на солнцѣ, затѣмъ превращалась въ порошокъ и елова съ уксусомъ и приправами специями въ жидкомъ видѣ подавалась на столъ. Въ цѣль эта соя стояла выше всякаго вина.

Вотъ меню изысканнаго обѣда Потемкина:

Похлебка изъ обѣды съ пармезаномъ и каштанами.

Обѣда болванъ по-султански.

Говядина жареная въ соусѣ, называемомъ «поутру проснувшись».

Говядина жареная въ соусѣ.
Хвосты теленки по-татарски.
Теленки уны крошечныя.
Баранина по-столетски.
Голуби по-станиславски.
Гусь въ обуви.

Горлицы по Поляву.
Гато изъ зеленого вина.

Кремъ жирный, дѣвичья.
У Разумовскаго, графа.

по полтораста человекъ и предило изготовленію блюдъ за столомъ не должно было. Это правило даже переименовано было (*septem — convivium*).

Въ царствованіе императора давалъ; самъ императоръ давалъ простыми блюдами, которые царствованіи оиить луку быту ланшего баретку, и цѣль великодушными, какъ, напримеръ себѣ дичь на корнцѣ и гв.

Въ это время входитъ екаго кулинарнаго искусства ключается въ слѣдующемъ нея косточку, и на мѣсто чини оливками жареннаго ключи въ жирную перенел куракатку въ фезана, фаросенка. Поросенокъ, сазъ которое черезъ смѣшеніе себѣ подобнаго. Величайшій который, находится въ сержавинныхъ се свадьбѣ.

Въ гастрономическихкихъ имѣетъ почетное мѣсто прежде своей финансовою границей и тамъ усоверши. Его имя носитъ манна; имѣетъ съ грецкими орѣхами; также подѣ его имъ свое время его домъ сущность.

Такой же слабой больными гастрономов пользовались еще другие два министра царствования императора Николая, Уваровъ и К. В. Нессельроде; особенно последній былъ неистощимъ по части изобретений въ области кулинарнаго искусства: его пудинги, мороженое и potage's по сей часъ удивляютъ его имя. Въ доброе старое время почти вся паниа знала сидела своихъ кухмистеровъ на кухню Нессельроде, платя за науку баснословными деньгами его повару.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Петербургѣ гремѣлъ своими гастрономическими праздниками Никита Всеволодовичъ Всеволожскій. Въ барскомъ домѣ этой богатца, въ селѣ Рыбной, лежащемъ недалеко отъ Охты, въ праздники накрыли столъ на 120 кувертовъ, за которымъ перѣдго были три въ дѣлѣхъ сибирскую землицу со сливками и по часту за столъ высилали еда рыба четырьмя дюжими кухонными мужиками; такая рыба получалась по почте съ Урала. Меню этихъ обѣдовъ были весьма какабуры и остроты. Родъ Всеволожскихъ издавна славится своимъ остроуміемъ. Всеволожскій говаривалъ, что порядочный человѣкъ прежде всего долженъ позаботиться о своемъ столѣ. Хорошая кухня есть снѣжный кормъ для снѣгой совѣсти. Вотъ нѣсколько гастрономическихъ афоризмовъ: «картофель — мягкій воскъ въ рукахъ хорошаго повара; онъ можетъ сдѣлать изъ него все. Но и въ невѣрномъ природномъ костюмѣ картофель имѣетъ для многихъ любителей неодолимую прелесть, и въ этомъ видѣ онъ обаяетъ къ нему, какъ пѣкный Парисъ къ Еленѣ. Яйцо — всегдашній обязательный посредникъ въ спорныхъ дѣлахъ между обѣдами. Трюфель, при всей его неблагородности, можно считать алмазомъ кухни; не важно, каково бы ни было его основаніе, но наполненный трюфельными грибами съ порретами, осыпанная брилліантами. Девять безъ сыра — то же, что криквыя красавица. Свиинина — герой праздника. Какъ ни хороша она, надеждность на себя всевозможныя маски, но и въ самомъ красивомъ нарядѣ всегда выказываетъ ея оригинальность, станемъ ли мы искать се подъ покровомъ кровяной колбасы или подъ бѣлымъ киверомъ колбасы ливерной, въ курточкѣ колбасы изъ рубчатого мяса или въ мантильѣ сосиски».

Для полноты гастрономическаго очерка приведемъ дневникъ нашъ, върне, путешественника, то възмъ лучшиимъ петербургскимъ ресторациямъ, веденный за шесть дней дѣль тому назадъ: «1-го июня 1829 года обѣда въ гостиницѣ Рейде, на Васильевскомъ острову, въ Кадетской линіи — русскихъ гостей здѣсь не видно, все иностранцы. Обѣда дешева, два рубля ассигнаціи, но широканаго не подаетъ никакого и ни за какой деньги. Станный обычай! Въ салатъ кладутъ мало масла и много уксуса. 2-го июня. Обѣда въ нѣмецкой ресторации Клей, на Невскомъ проспектѣ. Общее и законное заведеніе. Больше всего нѣмцы; вина и отъ малъ за то много пили. Обѣда дешева; мнѣ подали лафиту въ 1 рубль; у меня болѣлъ животъ. 3-го июня обѣда

у Дюме. По качеству обѣда всѣхъ обѣдовъ въ Петербургъ тельную привилегію — заплатилъ 4-го июня. Обѣда въ итал. Alessandro, по Мойкѣ, у Нова болѣе итальянцы и французы. Онъ принимаетъ только хорошия обѣды для отъиска на дома прислуживала русская дѣвушка самоучкой она выучилась итальянски. 5-го. Обѣда у Ледра. Обѣда хорошия; въ прошломъ ряду, потому что все было за три рубля ассигнаціями и все принадлежності — итальянцы, во фракахъ. 6-го июня. Мойкѣ (теперь Дюны), по реванский, просто, но со вмаемъ особую комнату; присервисы превосходныя, вина ассигнаціями. 7-го июня нѣтъ, трактиръ и испортилъ аппетитъ есть маленькая лавка Дюмарти, ветчина и проч. 3-го. Но просьба хозяинъ позволюсь воеходны, г. Дюманъ золотриазкия guinguettes (маленькая Grand-Jean, по Большой Лаванъ отъ кухни. 9-го июня. Обѣда. Впрочемъ, здѣсь болѣе вина прекрасное. 10-го. дешевый; изъ дешевыхъ обѣдовъ Петербурга».

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ своими гостиницами и ресторациями въ Петербургѣ и даже нѣмецкихъ трактирѣ, на Невскомъ, близъ и береговыми каляшниковъ и Страстной подѣвухъ гостиницы и въ эти дни въ этомъ ни за какія деньги, и всѣмъ дами. Зато въ перестѣ послѣдныя походы. Такъ, въ то время

ежусть паштеты, съ грибами, грибы въ тѣстѣ, галушки грибныя, грибы холодныя подъ хриномъ, гуси съ масломъ, гуси, грибы съ сокомъ. Кошъ грибовъ, въ обѣденную карту входили горохи и кнели; первые были: митые, битые, цѣбенные; вторые—ягодные, овсяные и гороховые съ картошкой, съ томъ и миндальнымъ молокомъ. Чай въ эти дни пили съ пашетомъ и медомъ, варили и сбитень для постниковъ. Въ остальные недѣли поста, когда уже некоторые ѣли рыбу, въ числѣ рыбныхъ блюдъ видѣли такъ оуде вкусную «прикромку тѣсную» — гбчто въ родѣ котлетъ, зѣтѣмъ — не менѣе лакомый «какардакъ», родъ окрошки изъ рѣчныхъ рыбъ, кашу изъ семги, виниру съ хриномъ, стерижкой присоль, съхль бѣлужій пашетомъ, щуку-колодку, расхольный енгъ, уху карасевую на сковородѣ и т. д. Изъ любопытной карты кафе-ресторана Н. Н. Палея, помещавшагося тоже на Певекомъ, въ домѣ Армянской церкви, видѣмъ, что въ Венгій постъ здѣсь пекли особенныя пирожки-растеган, которые у насъ вошли въ моду въ 1807 году, когда въ Москвѣ цыганка Стена своимъ соловьинымъ голосомъ дѣйствовала на сердца и карманы своихъ слушателей и поощниковъ: особенно хорошо она пѣла романсы «Сарафанчикъ-растеганчикъ»; въ честь послѣднюю и стали печь растеган. Вотъ недѣлныя карта палеряевскихъ пирожекковъ. Воскресенье: 1) растеган палеряевскіе, 2) съемные, 3) безопасные, 4) музыкальные (скоромные); понедѣльникъ: 5) съ рыбой-съ! 6) съ живыми картинками (скоромные), 7) успокоительныя, 8) безъ танцевъ (скоромные); вторникъ: 9) съ вариациями, 10) просто прелесть! 11) на адофовѣ, 12) мать золотникъ, да дорогъ! среда: 13) съ рыбой, но со вкусомъ! 14) съ закладкой? 15) либо и дешево! (скоромные), 16) съ боровичками; четвергъ: 17) астрономическіе, 18) на всѣхъ прѣвихъ широга, 19) концертныя, 20) съ фюритурой (скоромные); пятница: 21) настояще русскіе, 22) нескучныя, 23) въ добрый часъ, 24) добрыя; суббота: 25) ичелка или что въ ротъ, то спасибо! 26) фенетъ въ безъ шесемъ (скоромные), 27) повтори, 28) безъ разсказа въ (скоромные). Сверхъ того, венгій день приготовлялись особые пирожки подъ названіемъ: «кларичность-солнеть» и «вечера Новой-Деревни» (скоромные). Цѣна на эти пирожки была 10 и 5 копѣекъ. Вся жизнь знать ходитъ. Въ къ Палею его пирожки. Эти пирожки носили названіе утреннихъ.

II.

Ушинымъ гастрономическимъ столомъ отличался въ Екатерининское и Павловское время графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Этотъ гостеприимный великодушный любитель на своихъ роскошныхъ обѣдахъ соединить въ кругу соби друзей представителей русской интеллигенціи. Онъ, какъ Шугаевъ, носилъ въ то время названіе мейнута: почти всѣ интелли-

и художники находили у него посянціи его имя, воскресъ Покреснымъ днямъ, онъ давалъ Строгановъ не жалѣть на него върию дорого, подвизался у представляви его австрійскому торый хочетъ разориться и т. д.

У графа Строганова, какъ клиній—родъ столовой, гдѣ намъ, гости дѣлали за столомъ убранство напоминало великія устланъ мягкими дорожками въ изображеніи сатиры, соби видны были плоды, гряды и душики и матрасы были набиты покрывала пурпуроваго цвѣскоши: они были мраморныя, будь пахучаю дереву; но угинулись подъ тяжестью золотого гостей на этакихъ пириные ѣли полудежа на дожа и красивыя, прислуживали не особенно много, но зато рая состояла изъ блюдъ, во фрукта въ родѣ сливъ и т. цѣннымъ изъ закусокныхъ такого блюда нѣло болѣе тылись тоже инантныя блюдъ жареная рысь. Кстати сказперь совѣмъ забытое, уюгрловича—рысь не считалась обѣднвою. Зѣтѣмъ шли жардоки и сѣбакъ печень дачначиненная орѣхами, сѣбакъ подвизался соленые перси и т. д.

Если гости чувствовали рещъ, прекоралъ собъ въ мѣсто для новой пици. реть, даже постъ каждой личнымъ. Постъ уаина шбудить лажду, ходили даянхъ въ домъ слушалъ дѣл

до питья вина и приваляли цыкату, чтобы страхъ смерти заставлялъ больше пить; другіе и тулченую немзу и даже кельишь въ грѣхи.

Латинскіе и греческіе поеты научали древнихъ надѣяться, во время попойки, на голую вѣтку изъ цвѣтовъ: существовало повѣрье, что цвѣты увеличиваютъ жизнь. Лучшей зеленью въ этомъ случаѣ считалась трава сельдерея. Наши русскіе энциркурейцы тоже вѣнчали свои головы вѣтвями и, снимая нудные парики, умащали свои головы душистыми мазями. Иногда, по распоряженію хозяина дома, на столъ приносилась мерткая рыба, но при видѣ голого скелета иной нитухъ не робкѣтъ и, слегка задумавшись, еще съѣстъ, какъ бы съ горя, начинать пить.

На такихъ попойкахъ гости избирали царя пира, — царь пира отличался способностью пить много вина, одъ долженъ былъ пить неустанно и ему безусловно повиновались всѣ гости. Такимъ царемъ пира въ Екатерининское время ставился иногда тульскій купецъ Иванъ Гавриловичъ Рожковъ. Помимо этой особенности, Рожковъ отличался своимъ умѣньемъ пить русскій пѣсни; голосъ у него былъ бархатный; не одинъ графъ Строгановъ звалъ его на свои званіяныя пирушки—графъ Безбородко считалъ его своимъ постояннымъ гостемъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ, и своимъ посетителямъ удовольствіе послушать этого окаронительнаго русскаго артиста-торговца. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что если хотѣли похвалить какого нибудь пѣвца, то говорили о немъ: онъ пѣтъ, какъ Рожковъ.

Даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главными, помимо способности пить много вина, были еще необыкновенная удальство и смѣлость, которыя и доставляли ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ. За него нередко держали огромные пари и зклады, и не было примѣра, чтобы проигрывали. Такъ разъ графъ В. А. Зубовъ держалъ за него зкладъ въ тысячу рублей, что Рожковъ вернется въ сибирскомъ своемъ походѣ: выйдетъ въ верхній этажъ одного дома въ Мещинской улицѣ, гдѣ жила одна изъ дамъ полусвѣта, и Рожковъ не только выйдетъ, но, вынимъ зкладомъ бутылку шампанскаго, не стѣжась лошади, тою же лестницею съѣхалъ обратно на улицу. «Когда я вышелъ къ ней въ камеру, рассказывалъ Рожковъ, — меня окружили всѣ гости, особъ зятвѣтъ до десяти бодеть, да и кричать: браво, Рожковъ! шампанскаго! И бѣтъ зиврейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ палитый бокалъ; то бариня сама схватила этотъ бокалъ и выпила не поморщившись: это за твое здоровье, а тебѣ поддуть целую бутылку».

Имена многихъ литераторовъ и художниковъ конца прошлаго столѣтія и первыхъ лѣтъ нынѣшняго тѣсно связаны съ именемъ графа Строганова. Начиная съ Фонвизина и Державина и кончая Крыловымъ и Гиббонемъ, и почти всѣ художники находили въ немъ истиннаго покровителя и цѣнителя своихъ произведеній. Духовный наставникъ композиторъ Боретинскій былъ одъ изъ его приближенныхъ друзей. Талантливыи стро-

итель Казанскаго собора говорилъ, что самъ Строгановъ усталъ и, не смотря на осматривать постройки.

Строгановъ, немногими дѣл точно—15-го сентября 18 двѣнадцать дней графъ твердо вѣрилъ въ это пр въ соборѣ подошелъ къ «Нынѣ: отпущеніи раба новъ вырвалъ свое посп происходило въ томъ х смерти. На похоронахъ съ августѣйшимъ семействомъ находится въ Але

Биографъ Строганова, есть еще большая желту біотеки, то, по переводѣ извѣдывшихъ разборку предать сожаленію всѣ к пленію противны правк мени. Строгановъ всею скаго проекта.

Много говорили такъ дахъ, давившихся княземъ одиъ изъ блистательныхъ властительными замани Варшавѣ болѣе значито Джемеъ Гарриесъ, видѣ бытъ поразительнаго вы преувеличенной до-пель зтыкать каждому ротѣ щелка такъ же безцереу маскарадъ. Король, дн чтобы столы изъ ужин самая большая комната начатъ сейчасъ же в своейно стать танцовк

Въ театрѣ актеры предстакеніе даже тоу часъ. Решить въ сре Варшавскомъ театрѣ, было.

180316

Император князь Карл Радзивилъ, великій гетманъ литовскій, бывшій одно время преемникомъ Екатерины II и выведшій на сцену несчастную самозванку Елизавету Тараканову, не смотря на все свое своеволие, побиравши Россію. Одинъ разъ, когда сеймъ былъ въ сборѣ, чтобъ восдержатъ кутяваго Радзивила отъ безобразнаго поведенія, они поставили въ его домѣ двѣнадцать столовъ съ командою или шестидесяти человекъ.

Въ день рожденія Екатерины Реннинъ далъ преддникъ, на которомъ было болѣе трехъ тысячъ замаскированныхъ гостей и при этомъ было вино, красъ множества другихъ винъ, тысяча бутылокъ шампанскаго. Двѣдцать тѣхъ покровъ едва успѣвали готовить ежедневно кушанья для огромнаго числа посетителей его дома. Комнатныя дворине (положницы) служили у него во время обѣда съ тарелками въ рукахъ; они стояли за креслами гостей, услуживая при столѣ и разбрызгивая на воздухъ пыль и прѣсъ.

Насмѣшливъ столъ Реннина шибѣмъ не отличался отъ такихъ же столовъ королей Сигизмунда и Владислава. На срединѣ огромнаго стола лежали цѣлѣный индюкъ, изображавшій агнца Божіа. Это блюдо, по польскому обряду, могли есть только дамы, высшія свѣтскія и духовныя лица. Затѣмъ стояли четыре большіе кабана, соответственно четыремъ временамъ года. Внутри каждаго кабана были колбасы, куски ветчины и острѣе. Двѣдцать оленей съ золочеными рогами, жаренные толкѣмъ и начиненные дичью, изображали двѣдцать мѣсяцевъ года; иногда въ перемежку съ оленями лежали и зубры, убитые въ Бѣловѣдѣй пуцѣ. Вокругъ этихъ чудесъ кулинарнаго искусства было 365 кубковъ; затѣмъ жемурки, жемудекіе пироги и лепешки, украшенные съ зернами въ сахарѣ фруктами. За ними столько же бабъ; бабы эти украшены были вѣнчиками и надписями. Четыре большіе стоны съ виномъ изображали тоже четыре времени года; вино въ нихъ было отъ старыхъ временъ. Двѣдцать серебряныхъ большіхъ кубковъ съ виномъ изображали двѣдцать мѣсяцевъ въ году, 52 маленькхъ бо- ченка, начиненные виномъ испанскимъ, кипрскимъ и итальянскимъ, соответствовали пятидесяти двумъ недѣлямъ въ году, 365 бутылокъ съ винурскими ягодами означали число дней въ году. Для прислуги ставились 8,760 чашекъ меду, соответственно числу часовъ въ году.

Такое шибѣе и такъ идиллически патриархальное кормленіе безпорно было императоромъ Реннинимъ у поляковъ; впрочемъ, кухни послѣднихъ у насъ уже тогда входили въ моду въ Москвѣ со временъ Дмитрія Самозванца. Предсвѣтъ говоритъ, что жена послѣдняя, Марина Мининская, особенно отличалась своимъ лакомымъ столомъ. У насъ встарину дѣлѣности при столѣ занимали столынки. Они носили кушанья и подавали вино; одинъ изъ нихъ, поочередно, какъ говоритъ П. Забѣлинъ, снѣрежалъ вино, т. е. приготавливалъ къ столу и вообще распоряжался винами, другіе — шить наливать. Съ большимъ великолѣпиемъ и обряд-

ностью царскіе столы дѣлались; устранялось ибѣзолько поставивши винами и фатками. Число столовъ шить носили и фать стѣны. После царскихъ столовъ сираки шили государеву здорюше, при чѣкъ которой они и подносили по шить какъ судки за столомъ.

Перѣдко государь посылалъ «Дворцовыхъ разрядовъ» сохранившихся случаевъ: такъ царь Михаилъ бакша къ Якову Русселю, ибѣлываетъ столынку, прѣбывая къ шить и идти къ Русселю въ холѣ и судки (сѣдошку, укусуницу и шить дожить подробнаго церемоніала, поставитъ, и вина, и фатьву, и шить конишъ шить, медитъ: со шить.

Но, обращаясь ошить къ прѣстарой Москвѣ дуковскими обѣ Мусина-Пушкина, обладателя болѣ были перваго по роскоши въ то шить имѣ ни въ эканажѣ, ни въ конфѣкты у него расходовалось шить его столѣ ему болѣе шить на все рѣдкое свѣтское доходила на тридцатыхъ, а шить отпавшій шить новорожденнаго мѣдѣнцѣ къ столу на убой, въ корѣмъ на кедровые и грецкіе орѣхи и на шить вино. Пороситъ у него мыли едѣ грудныхъ дѣтей.

Также хлѣбосольно и открыл Илья Андреевичъ Остерманъ. Ибѣнно по воскресеньямъ, иногда шить. Графъ почти девятидесяти шить полную память о прошломъ. Хлѣбѣ сказаннымъ; гостей за его столомъ шить ходить и шить, чтобы шить у него до сорока и болѣе. Во шить и когда за столомъ прѣбывали шить на хорѣ, дѣлать шить въ шить и тогда грѣмѣть польскій—Кодѣ

Церковные колокола, по указу французского короля Генриха IV, запрещено было покупать, но дозволялось приобретать их в виде мины. Размѣръ колоколовъ также подвергался цензурѣ. Такъ, например, монастырскіе стрѣлы запрещалось имѣть такіе колокола, которые бы заглушали приходскіе. Иностранные колокола часто украшались надписями, изъ которыхъ наибольшей части колоколъ говорить о себѣ. Слозь надписей всегда кратокъ и важенъ. Такъ, например, на Шерборнскомъ колоколѣ въ Англіи, подаренномъ городу кардиналомъ Вольсеемъ, надпись гласитъ слѣдующее: «Даръ Вольсеевъ» — «я имѣрю время для всѣхъ и привлекно людей къ веселью, печали и въ храмъ». Надпись на Шафгаузенскомъ большомъ колоколѣ: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т. е. «живыхъ привлекно, обѣ умершихъ плачу, молнію сокрушаю». Эта надпись такъ понравилась Шиллеру, что онъ взялъ ее въ эпиграфъ своей «Песни о колоколѣ». На большомъ Парижскомъ колоколѣ при церкви Notre Dame de Paris выбита надпись слѣдующаго содержания: «Слава истиннаго Бога, зываю народъ, собираю клиръ церковный, оплакаю усопшихъ, прогоню заразу, украшаю празднества»; внизу выбита другая: «1683 года Флорентинъ де Гей... градоначальникъ Парижскій выдѣлъ меня». Самымъ большимъ колоколомъ въ Западной Европѣ считается соборный въ Руанѣ, весомъ въ 900 пудовъ. За нимъ слѣдуетъ вѣнскій, въ церкви св. Стефана, отлитый въ 1711 году императоромъ Іоанномъ изъ пушекъ, взятыхъ у турокъ въ 1683 году, при осадѣ Вѣны; весъ его 885 пудовъ, въ извѣстѣ 33 пуда, раскачивають его 12 человекъ. Въ первый разъ онъ зазвонилъ въ 1712 году, при торжественномъ вѣдѣв императора Карла VI въ Вѣну. После него, берлинскій, отлитый въ 1497 г., названный при крещеніи Maria Gloriosa (Славная Марія), весомъ въ немъ 690 пудовъ, на колоколѣ надпись: «славною хвалою воззваю свитыхъ и украсаю молнію и злыхъ демоновъ, созывая звукомъ народъ во храмъ для свещеннаго пшенонія». Герардъ Иванъ Каммерманъ отлилъ меня въ лѣто отъ воплощенія Господни въ 1497 году». По значительный изъ всѣхъ по звуку, это эрфуртскій. Затѣмъ идутъ колокола страсбургскій и бреславскій; въ первомъ вѣсу 20,400 фунтовъ, во второмъ 500 пудовъ. По величинѣ славится колокола китайскіе и японскіе, весьма древніе. Въ Міако, весѣ главнаго храма Будды, веситъ огромный мѣдный колоколъ, который вѣситъ 5,000 пудовъ; въ Непалѣ колокола въ три и четыре тысячи пудовъ не рѣдкость. Но самый большой колоколъ въ свѣтѣ это нашъ московскій Царь-колоколъ. Въ половинѣ XVI вѣка, на мѣстѣ колокольной Ивана Великаго стояла церковь Іоанна Крестовника и при ней висѣлъ небольшой Царь-колоколъ (1), весомъ въ тысячу пудовъ, слитый во времена отрицанья Іоанна отъ колоколовъ были переданы съ добавленіемъ еще мѣди и побѣлѣнны на пристройствѣ къ Ивану Великому — названъ онъ былъ «раздѣлчникомъ»; въ него ударили три раза молотомъ, а также по

номъ Грознымъ. При царѣ Алексѣе мѣсто его было слить другой у 8,000 пудовъ. Преданіе говоритъ, что онъ оставался безрѣшился поднять его механикомъ этотъ висѣлъ подлѣ Ивана года, июня 19-го, отъ жару или нуль. Въ 1731 году его снялъ Іоанновны, приказано было крѣпко при чемъ предположали придѣлать колокольно для этой громады. императрица поручила съестней стеромъ и членомъ Парижской академіи въ своихъ запискахъ: «Сей день о вѣсѣ колокола, и сначала въ истинѣ предложенія, составленность работъ и стоимость ихъ, новъ». Артиллеріи колокольныхъ вилей за работу и не подумалъ было вылить въ 12,000 пудовъ между Чудовымъ монастыремъ и явился за дѣло. Ему отпустили съ старымъ колоколомъ, и тысяча чала неудачна. По перевѣсу, по 21 фунтъ; олова отпустили еще составило 15,312 пудовъ 24 фунтоку, привезена изъ енисейскіи золота, оттого колоколъ и отливнѣнъ, деланнымъ въ 1832 году 1³¹/₁₀₀ золотника золота и 31²/₁₀₀ вѣнцямъ, содержаніе золота и сѣнаго количества.

Въ остаткѣ послѣ вторичной талла 2,985 пудовъ 8 фунтовъ; с 12,327 пудовъ 19 фунтовъ ¹/₂). И особыхъ подмычкахъ. Странныи день, начавшійся отъ казней и зомъ женкою Марьею Михайловна ксандра Милославскаго, опусто

¹) Для отливки этого колокола употреблено на одну печь пошло 330,000, на внутри болвана и спаружки коуха 25

съ сборища изъ брусьевъ въ ту яму, гдѣ лили его, и при паденіи ли вышиблены были изъ него край отъ удара, или оттого, что, желая потушить огонь въ ямѣ, лили въ нее воду, огонь треснулъ, и изъ него выкатился большой кусокъ; такимъ образомъ къ употребленію огня уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотѣла опять перелить его. Слѣта, ей представленная, въ 107,492 руб. 47³/₄ к. (прежнее отливѣ, кромѣ металла, стоила 62,008 руб. 9 к.) показалась ей слишкомъ большою и непонимая отчего въ своей ямѣ. Много было потомъ относительно его проектовъ: въ 1770 г. архитекторъ Форстенбергъ брался принять къ нему отливенный край; въ 1797 г. поручили механику Гиргу составить планъ вынуть колокола изъ ямы; въ 1819 г. генералъ Ветанкуръ поручалъ архитектору Монферану осмотрѣть и описать его; потомъ велѣно было осмотрѣть его инженерному генералу Фабру. Императоръ Николай I, узнавъ о невозможности способа починки колоколовъ, предполагалъ вынуть колоколъ, починить его, построить для него особую колокольную и повѣсить его на ней. Но громадныя размѣры колокола заставили отложить такое намѣреніе. Между тѣмъ, огонь безобразилъ Кремлевскую площадь своей обширною ямою. Царь-колоколъ лежалъ въ глубокой ямѣ напротивъ Мудова монастыря, надъ ямою была настлана деревянный помостъ съ подъемной дверью, отъ которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольной. Любопытные спускались смотрѣть колоколъ въ подземелье по крутой деревянной лѣстницѣ, велѣвъ за проводникомъ, который шелъ впередъ съ зажженнымъ фонаремъ. Въ 1836 году, велѣно было вынуть колоколъ и поставить на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ колокольной Иванъ Великаго. Монферанъ приступилъ къ этой работѣ и послѣ одного неудачнаго опыта, 23-го іюля, въ 43 минуты, двадцатью вѣртами, колоколъ былъ поднятъ изъ ямы, а 26-го передвинуть на пьедесталъ, гдѣ онъ и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное ядро съ крестомъ, а внизу, на мраморной доскѣ, надпись золотомъ: «колоколъ сей вылитъ въ 1733 году, повелѣніемъ государыни императрицы Анны Іоанновны, пребывавшей въ землѣ его и три года и волею благочестивѣйшаго государя императора Николая I поставленъ лѣта 1836, августа въ 4-й день».

Надпись на пьедесталѣ сочинена архитекторомъ Монфераномъ, и въ ней сдѣланы двѣ существенныя ошибки. Первое — колоколъ вылитъ не въ 1733 году — указъ сенату о литьѣ его послѣдовалъ 26-го іюля 1730 года. Въ январѣ 1734 года, сенатская контора доносила, что болванъ и болванъ въ литейной окованности окончены и испрашивали позволенія обжигать и приступать къ литью; слѣдовательно, онъ вылитъ въ 1734 г., но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже въ 1735 году. Затѣмъ: колоколъ пробылъ въ землѣ не сто три года. Пожаръ Москов-

скій происходилъ въ 1737 году, а его въ 1836 году, слѣдовательно о

На Царь-колоколъ находится двѣ первой изъ нихъ явственно сохранилась другая — ни одною; вѣрный и помещенъ въ «Горный Журналъ» перваго: «Блаженныя и вѣчнодостойнаго и великаго князя Алексея Михайловича Россій Самодержца повелѣніемъ твѣ Богородицы честнаго и славнаго колокола, семь тысячъ пудъ мѣднѣ, созданія міра 7162, съ Рождества же сего благоуспѣшно начали въ лѣто отъ сотворенія 1668 и благоуспѣшно до лѣта отъ сотворенія 1704 года, въ которое мѣсяцѣ Кремль бывшаго пожара, поврежденъ Христо, въ мѣсяцъ Рождества, прибогочестивѣйшия и Самодержавнѣйшия Анны Іоанновны, Самодержицы повелѣніемъ Троицѣ славимаго въ честь Пресвятыя церкви славнаго Ея Успенія, отливъ тысячъ колокола пожаромъ поврежденъ тысячъ пудъ, отъ созданія міра и Бога Слова 1734, благополучнаго съ тое лѣто».

Колоколъ украшенъ наверху позолоченъ, а по срединѣ — особъ императрицы Анна Іоанновна изображена въ головѣ и коронѣ. Вышина колокола самого колокола 20 футовъ 7 дюймовъ 8 дюймовъ. Форма колокола очень подлѣ пьедестала¹⁾.

Самый большой колоколъ въ Москвѣ называется «Успенскій или праздничный» и началъ торжественному звону въ ночь передъ Пасхой. Всюду колоколъ перенесли въ 1819 году изъ стараго, Кремля французами. До перенесенія

¹⁾ Изначальный штокъ колокола, представляющій возможнымъ перелить Царь-колоколъ колокольную. На это, какъ онъ предполагается, былъ. За послѣднее время было въ газетахъ Царь-колокола.

рыи быть единъ въ 1760 году мастеромъ Сизовымъ по приказу императрицы и въисъ говорить преданіе, быть много лучше него. На колоколѣ изображены: Спаситель, Богородица, Іоаннъ Предтеча, Успеніе Богородицы и Петръ и Алексѣй, митрополиты московскіе; а подъ святыми изображеніе императора Александра I-го и всей августѣйшей фамиліи. На старомъ же колоколѣ были изображены тѣ же святые—съ портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъемѣ этого колокола случилась слѣдующая исторія, надѣлавшая въ то время много шума въ Москвѣ. Еще до подъема, митрополиту Серафиму доносили, что построенная мастеромъ Богдановымъ каланча для подъема колокольною Плана Великаго большого оцитаго имъ колокола, крайне непрочна, да и брусья на колоколѣ не надежны. Слухи эти настолько были распространены въ народѣ, что митрополитъ просилъ военнаго генераль-губернатора назначить архитектора для освидѣтельствованія каланчи и колокольна. Назначенные губернаторомъ, графомъ А. И. Тормасовымъ, чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьевъ неадекватною. Но Богдановъ стоялъ на своемъ и ручался за прочность. Такая увѣренность Богданова расположила митрополита въ его пользу и преосвященный далъ ему позволеніе поднять колоколъ. Въ назначенный для подъема день митрополитъ Серафимъ прибылъ въ Успенскій соборъ. Площадь была покрыта неметнымъ количествомъ народа. Вдругъ митрополиту докладываютъ, что Богдановъ сидитъ на каланчѣ и горько плачетъ. Възвѣтъ эта Серафима крайне встревожила; ему показалось, что Богдановъ отчаявается въ успѣхѣ; онъ приказываетъ звать подрядчика и узнать отъ него, что тотъ плакать потому, что ему мѣшало. Преосвященный, успокоивъ Богданова, идетъ и освидѣтствуетъ колоколъ по церковному чинноположенію и затѣмъ благословляетъ поднимать его, колоколъ пошелъ очень ходко и ровно вверхъ и уже былъ на половинѣ высоты, какъ вдругъ раздаются со всѣхъ концовъ крики: «Иванъ Великій падаетъ, каланча падаетъ!» Къ этимъ крикамъ примешиваются еще крики женщинъ и дѣтвой, кинувшихся бѣжать, — паника и тѣнота сдѣлались ужасныя! Оберъ-полиціймейстеръ, А. С. Шубинъ, не потерявъ присутствіе духа и бросился въ толпу, увѣряя, что это выдумки мошенниковъ. Народъ, видя, что каланча не упала и Иванъ Великій стоитъ, понемногу пришелъ въ порядокъ. Богдановъ во время этой суматохи не растерялся и, какъ и прежде, стойко удерживалъ дѣйствіями многихъ вѣротовъ, посредствомъ колокольника и калачи съ навѣсками на шею платкомъ и все время умѣлъ удерживать работниковъ на своихъ мѣстахъ и своею расторопностію отгнать большую бѣду. Но такъ какъ полиціи на площади оказалось немного и боялись, что карманные мошенники опять не произведутъ безпорядка, то преосвященный и распорядился приостановить поднигте колокола и объявить народу, что онъ будетъ поднятъ завтра. Послѣ этого толпа на-

рода стали расходиться; и когда Богдановъ спускался, сколько минутъ колоколъ былъ въ день поднятъ колокола, М глашень къ столу митрополита.

— Ну! еслибъ я не согласился послать бы бумагу спросить об-

— Я уже рѣшился, отивъ колоколъ и подвить его потихонь-

Разсказываютъ, что и безтолпый тогда иностранецъ архитекторъ никакъ его бросить это дѣло, кую тяжесть, но Богдановъ ем колоколъ».

Въ такъ называемой Филармоническихъ историческихъ колоколѣ двадцать девять. Самъ «Реугъ» или «поліелейный», патриарха Іоакима. На немъ величій великаго государя, царевича, всея Россіи Самодержца, отца его государя, а по духу господина и свѣтѣйнаго патриарха всея Россіи, сантъ сей колоколъ Богородицы и великихъ чудотворцевъ дѣлать колоколъ шумный ма-

Въ этомъ колоколѣ, какъ и мѣталелъ тѣмъ, что при взрѣ отбило уши, которыя впоследствии этого не измѣнились въ толѣ. что во время звона въ него къ прѣ самый низъ, причемъ пробныхъ пола и чугунаую дѣтн страдали уши. Теперь въ него не

«Всѣдневный» называтъ та 1689 году; слить онъ первоначальномъ Даниловымъ и имѣтъ въ онъ оказался впоследствии трехъ приккала въ 1782 году переломъ, какъ свидѣтельствуеть 14 фунтовъ.

«Воскресный» или «семисот Маторнымъ»; въсь его 798 пу-

Изъ замѣчательныхъ другихъ колоколовъ въ нижнемъ ярусѣ висятъ: перелитый въ 1775 году изъ древняго новгородскаго (1501 г.) «Медвѣдь»; вѣсъ его 450 пудовъ. Другой колоколъ носитъ названіе «Лебедь», вѣсомъ 475 пудовъ, отлитъ въ Москвѣ въ 1532 году; онъ перелитъ въ 1775 году съ сохраненіемъ прежняго вѣса и формы. Кромѣ надписей, на немъ видны иностранныя слова: «Hikiwas obracer, 537 г.».

Затѣмъ рядъ историческихъ колоколовъ есть еще одинъ, подъ названіемъ «Новгородскій». Надпись на немъ слѣдующая: «Лѣта 7064 (1556) мѣсяца сентября 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, въ царствѣ Ивана Васильевича, при паствѣ митрополита Макарія всея Россіи, по повелѣнію пресвищеннаго Пимена архієпископа Новгородца и Пскова, а мастера Михайлока слить бысть сей колоколъ въ богоспасаемый великій Новгородъ ко святой соборной церкви Софїи Премудрости Божїей». На этомъ колоколѣ наверху находится и другая надпись, изъ которой видно, что онъ перелитъ въ 1730 году и вѣсу въ немъ 420 пудовъ.

Подлагали одно время, что этотъ колоколъ и есть знаменитый «Вѣчеубѣй» новгородскій, но это невѣрно; послѣдній, какъ мы выше уже говорили, поступилъ на переливку для «набатнаго» московскаго колокола.

«Широкій» слить въ 1679 году, вѣсу въ немъ 300 пудовъ. Затѣмъ въ этомъ же ярусѣ помѣщаются колокола: «Слободскій» въ 309 пудовъ, перелитый въ 1614 году изъ стараго «Слободскаго»; далѣе «Ростовскій»; изъ надписей на немъ видно, что онъ слить въ 1687 году въ Бѣлогостинный монастырь находившимся въ ростовской епархіи мастеромъ Филиппомъ Андреевымъ.

Въ среднемъ ярусѣ изъ старинныхъ колоколовъ висятъ «Новый» или «Успенскій», вылитый въ 1651 году; послѣ него «Безымянный» съ иностранною надписью. Затѣмъ идутъ «Даниловскій» 1678 года, по преданію вылитый въ г. Переяславль-Залѣсскомъ; «Глухой» 1621 года; потомъ «Корсуновскій», называется этимъ именемъ потому, что перелитъ изъ стараго корсуновскаго, по повелѣнію Іоанна Грознаго, въ 1559 году, мастеромъ Петромъ Икинковымъ Псковитиновымъ. Есть еще колоколъ, называемый «Безымяннымъ», и «Маринскій» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7170 (1663 г.) марта въ 23-й день, вылить сей колоколъ въ церкви Преображеніи Марїи Египетской по душамъ блаженныя памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по женѣ его боярыньѣ». Тамъ же висятъ еще пять другихъ колоколовъ «переборные»; на одномъ изъ нихъ надпись, свидѣтельствующая, что колоколъ приложенъ 1697 года стольникомъ Динуровымъ въ Коломенскую его отчину село Троицкое.

Въ верхнемъ ярусѣ находится еще десять колоколовъ. Изъ нихъ историческое значеніе имѣютъ только четыре; два такъ называемыхъ «Корсуновскихъ звонныхъ»; цвѣтъ они имѣютъ бѣловатый и звукъ самый рѣзкій; полагаютъ, что въ нихъ много серебра. Колокола эти вывезены въ Москву, какъ думаютъ, однимъ изъ митрополитовъ греческихъ въ

то время, когда Москва занималъ турками грековъ. Третій колоколъ «Арсенскій» марта въ 13-й день сей колоколенъ въ Соловковской уездѣ, Дмитрія Федосѣевича Арсенкина родины съ прочими угодниками слить, дать сей колоколъ. Четвертый колоколъ боярина въ 1620 году.

Не лишнимъ считаемъ сказать всѣхъ ступеней считающаго царскіе указы громогласно,

Колокола Троице-Сергѣевой лавры. — Колокола Киевской лавры. — Колокола дѣвичьяго монастыря. — Колокола Демидова. — Колокола аметеристоріи. — Замѣчательные колокола. — Колокола Осадной речевой колокола города Казань-Керменскій колоколъ въ г. 1780 года.

Однѣ изъ первыхъ, по преданію Свято-Троицкой Сергѣевской лавры; вѣсъ колоколовъ слить въ 4,000 пудовъ; онъ перелитъ Елисаветы Петровны на ереванскомъ колокола, вѣсомъ въ 3,000 пудовъ, вылитый бывшаго въ 1,850 пудовъ. Третий слить въ 1684 году монастырь въ 625 пудовъ, вылитый въ 1780 году.

Въ Киевской лаврѣ висятъ колоколовъ. Самый большой колоколъ, а самый старыи «Валдовъ» десяти.

По величинѣ замѣчательныя считая въ Москвѣ; вѣсъ ихъ

литы они из заводов московскаго купца Н. Д. Финляндскаго; вѣсъ въ нихъ 4,008 пудовъ 39 фунтовъ, стоимость 88,184 рубли. Изъ нихъ самый большой колоколъ «Торжественный», вѣсомъ 1,654 пуда 24 фунта.

Въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, есть нѣсколько колоколовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Старѣйшій изъ нихъ колоколъ «малый застенный», отлитый въ 1551 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и архіепископѣ Макаріѣ. На второмъ, отлитомъ въ 1628 году, май 3-го, находится слѣдующая надпись: «Далъ сн колоколъ в дом Пречистой Богородицы Смоленской въ Новодевич монастырь князь Алексѣй Ивановичъ Воротынецкой по кнѣгине Маріе князи Ивана Михайловича Воротынецкаго, по кнѣгине Маріе Петровне, по своей матери и по своихъ родителяхъ». Третій, отлитъ, какъ гласитъ надпись: «Лѣта 7138 (1630), апрѣля въ 13-й день при великомъ государе царе и великомъ князе Михаиле Осодоровиче всея Руси самодержце въ его государские державы въ 17 лѣто и при благоверномъ царевиче и великомъ князе Алексѣе Михайловиче всея Руси и при великомъ господине свѣтѣйшемъ патріархе Филарете Писитиче московскомъ и всея Руси, поставила сей колоколъ мати государи цари и великаго князя Михаила Осодоровича всея Руси инока великаго государя старца Марѳа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевич монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые въ томъ монастыре будутъ за тотъ нашъ вкладъ душу мою в снадѣки написать, по вся дни поминати».

Четвертый, иностранскаго дѣла, съ надписью: «Me fecit, Daventriae, a 1673. Cestuyck. Thor. Horst. Amor vincit omnia», т. е. «меня сдѣлать въ Девентурѣ, 1673 года Генрихъ Торъ Горстъ. Любовь все побѣждаетъ». На наружной сторонѣ этого колокола двуглавый орелъ, на груди котораго изображенъ въ клеймѣ конь безъ всадника, похожій на единорога.

На пятомъ слѣдующая надпись: «Божіимъ изволеніемъ сн колоколъ поставили старцы Темирека приказу Засецкаго 500 человекъ великому чюдотворцу Николѣ, что на горкахъ за Москвою рѣкою».

На шестомъ колоколѣ надпись: «Слитъ сей колоколъ на Москвѣ в домъ Пречистые Богородице Одигитріе, чюдотворные иконы Смоленскія, Божією милостію повеленіемъ благовернаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича въ Новодевичъ монастырь что за посадомъ, лѣта 7159 (1651) году сентября въ 1 день, а деньги здавали вкладники по общицино. Мастеръ Микнооръ Барановъ. Вѣсу въ семь колоколовъ 200 пудъ».

Интересенъ седьмой колоколъ: «Лѣта 7193 (1684) мѣсяца августа 3 дни сей колоколъ вылить въ похвалу и славу и честь Богу въ Троице славимому и Пресвѣтѣй Богородицы и всемъ свѣтымъ въ домъ ея Пресвѣтѣй Богородицы явленія иконы Смоленскія Одигитріи, нарицаемый Новодевичей монастырь, повеленіемъ благочестивѣйшихъ, великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Юхана и Петра Алексѣевичей всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержавцевъ общими же съ ними

великими государи изволеніемъ лизія государяни, благовѣрныи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, того святаго дому на иначе имѣть прилежаюе поволеніе. Вѣсу въ немъ 540 пудовъ. Лѣта 7193».

Восьмой колоколъ съ точнымъ словомъ въ слово, только дѣлѣ дыгиль и вылить онъ былъ въ 1673 году.

Судьба многихъ историческихъ колоколовъ во время войны Петра Великаго столично считалась сорокъ со болѣе двухъ тысячъ, изъ коихъ приходскихъ, и при каждой удачѣ русскихъ подъ Нарвой или въ немъ иностранцевъ ловили какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и рѣе признаны будутъ лишны, было отлито сто болѣе тысячъ пудовъ въ 13 саубицъ. Распоряженіе царя, что по поводу этого разсказывали въ народѣ «Инокорныхъ колоколовъ», Русскіе люди, видѣвшіе въ нихъ жили ими и, поэтому, извѣстны были своимъ колоколомъ на дѣло обшлось и безъ чудесъ. При этомъ объ одномъ изъ такихъ колоколовъ № 432, находящемся въ одной изъ академій.

«Я и сестра моя Ирина, были у Троицы-Сергіева монастыря у Петра Алексѣевича были ука въ Москвѣ и у всѣхъ приходскихъ четвертую долю мѣди вѣса на томъ Сергіевѣ монастырѣ такъ Архимандритъ и братіи его великія и колокола съ колоколыи слышать одинъ старинный колоколъ глазомъ былъ глухъ и не являлся ночью кругомъ заши

занесть: на утро же архимандриту звонарь доносит, что того колокола на колокольни не было, и братія не видела кака и гдѣ онъ дѣлся. Архимандритъ же, услышавъ объ этомъ, повелѣть вездѣ искать по келіямъ у братіи и въ погребахъ, и когда нигдѣ не могли обрести (зницеже ему чудотворцу отъ себя сего не изволися), тогда архимандритъ Маріонъ повелѣлъ другой снять, даже вѣсу въ немъ не видаи и тотъ снять повелѣлъ и разбить и мѣдъ свести въ Москву. Когда колоколъ сняли, человекъ, чтобъ разбить оный, ударить по колоколу молотомъ; но колоколъ отъ того удара не разшибел, но началъ гласъ отъ него трои сутки день и ночь непереставая. Вслѣдствіе этого «архимандритъ и того колокола не велѣть вести въ Москву, а повелѣть сымать два другіе колокола по нѣвнинаго мастера, но сихъ колоколовъ не могли снять никонни дѣлами». Въ то время, когда «архимандритъ и братія, боясь указа государя, съ удивомъ смотрѣли на сіи колокола; колокола же сіи два братьяника видѣть сами собой съ колокольни соекочили, наии и стѣны обломилы». Бѣдственный колоколъ въ это время также отыскался за монастыремъ въ прудѣ. «Во время тое на монастырь въ погребъ ледъ воили и ушн отъ того колокола видѣли, а потомъ его отъ воды того пруда квилы». Обо всемъ этомъ довели Петру, который, по увѣренію Гаврилы Тверитинина, хотя «въ монастырь приходилъ, плакалъ и прощенья просилъ у чудотворца Сергія о своемъ соизволеніи; однако колокола два братьяника повелѣть вести въ Москву, гдѣ онѣ въ литѣ пунечнаго дѣла не поили и не испорчены, потому что мѣдъ была жестка, въ дѣло негожа и донѣ вѣтъ колокола стоятъ на пунечномъ дворѣ цѣлы кака и были».

Число колоколовъ въ Москвѣ въ настоящее время далеко превышаетъ количество трехъ тысячъ; а сколько ихъ всѣхъ въ Россіи—трудно считать. Даже отдаленная Сибирь можетъ похвастаться изряднымъ количествомъ ихъ. Самый большой колоколъ тамъ въ Tobольскомъ соборѣ, вѣситъ оубъ 1,012 пудовъ и 22 фунта и литъ, какъ значится на надписи на немъ, въ 1730 году на Тагильскомъ заводѣ, титаніемъ митрополита тобольскаго Антонія и иждивеніемъ дворянина Акинша Никитича Демидова; звукъ его прекрасный и видъ красивый. Кромѣ Тагильска, въ Сибири были колокола еще въ Тюмени и Енисейскѣ, но большей частью грубой отдѣлки, небольшіе и не особенно благозвучные. Сибирскіе колокола преимущественно привозные и нѣкоторые изъ нихъ привезены изъ-за границы. Такъ, въ Tobольскѣ, на Богородицкой церкви, имѣется одинъ выписной изъ Голландіи; надпись на немъ гласитъ: «me fecit Jan Albert de Grave Amstelodami Anno Domini 1719» (литъ я въ Амстердамѣ Иваномъ де-Граве въ лѣто отъ Рождества Христова 1719-е).

Изъ привезенныхъ въ Сибирь колоколовъ въ историческомъ отношеніи замѣчательнъ «Углицкій карноухій», въ который были въ Углицѣ въ началѣ по случаю умерщвленія царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ со-

слать избѣдителей одушевленіемъ отъвѣщеніемъ уха, въ Tobольскій вѣскъ сперка на Спасеніи на соборную и, наконецъ, въ Антонія, снять оттуда и поставитъ церкви, подѣ небольшимъ ную переимѣненія было то, чирическую достопримѣчательное наследнику престола. Въ наекъ богослуженію; но до этого колокольнѣ, въ него отбили набатъ. Вѣсь въ немъ 19 пудовъ отъвѣченнымъ ухомъ; это сдѣлано казанію Бориса Годунова. Звонъ немъ по кровлѣ вырѣзана, а въ который били въ набатъ въ 1593 году, прислали изъ Tobольскъ къ церкви Всемилостивой Софійской колокольнѣ быть форма буквъ новѣйшаго времени.

Въ «Ярославскихъ Губернскихъ» было напечатано, что существовавшая углицкій, что углицкій переили, но ухо отбили у первообраза. По изъ этого слухъ. Въ бытность мою, въ 1882 г., видѣть этотъ колоколъ; по древности самая мѣдъ сраго. При самомъ тщательномъ осмотрѣ на то, что этотъ колоколъ литый изъ него, да и многовѣни малѣйшаго сомнѣнія въ еопреданія тобольскія говоритъ, колъ, которымъ, въ 1591 году, слѣбоденнаго ена, соборный еценнись Оедотъ, проканиемъ, что передаваемый «Ярославскій» реликвъ его не заслуживаетъ и поколебать подлинности этого к

Въ декабрь 1849 года въ сюда ссылакаго колокола; мѣдъ обратился къ министру внутреннею объ исходатайствованіи имъ

изъ Тобольска на ихъ счетъ колокола. По докладу министромъ означенной просьбы императору, повелѣно: «Удостоверись предварительно въ справедливостъ существованія колокола въ гор. Тобольскѣ; и по отношеніи съ оберъ-прокуроромъ просьбу сію удовлетворить». Министры, вопель въ сношеніи съ оберъ-прокуроромъ и, по предложенію послѣдняго, синоды обратились съ вопросомъ о колоколѣ къ тобольскому архіепископу Георгію. Изъ отвѣта на этотъ вопросъ синодальнаго преевщеннаго Георгія оказалось, что въ Тобольскѣ при крестовой Свѣтодуховской церкви тамошняго архіепископскаго дома дѣйствительно находится карноухій колоколъ, слышній слышимымъ, и что въ сочиненной въ Тобольскѣ книгѣ, подъ названіемъ «Краткое показаніе о сибирскихъ воеводахъ», есть извѣстіе о пришествіи, въ 1593 году, въ Тобольскъ въ ссылку карноухаго колокола, въ который били въ Углицѣ въ набатъ при убійствѣ благовѣрнаго Дмитрія царевича. Затѣмъ синоды сдѣлали преднесаніе Ярославской духовной консисторіи «собрать самовѣрившія свидѣнія—не извѣстно ли епархіальному начальству, или же духовенству гор. Углицы, чего либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи котораго изъ Тобольска просить углицкимъ гражданемъ». Велѣдствіе этого и консисторія, съ утвержденіемъ тогдашняго архіепископа ярославскаго и ростовскаго Евгенія, указомъ отъ 25-го іюля 1850 года, сдѣлала сообразное тому преднесаніе углицкому духовному правленію. Въ этомъ преднесаніи велѣно было обратить вниманіе и на фамиліи правленія; но такъ какъ хранящіеся въ немъ бумаги восходятъ не далѣе 1740 года, то, разумѣется, они и не могли послужить никакимъ документомъ по вопросу о колоколѣ. Не оказалось также по розысканію углицкаго духовенства ничего относящагося къ этому вопросу и при тамошнихъ церквяхъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые лица изъ означеннаго духовенства выставили на видъ мѣстное преданіе, свидѣтельство о перенесеніи углицкаго набатнаго колокола въ Тобольскъ, и извѣстія объ этомъ же обстоятельстве, находящіеся въ «Древней Россійской Вѣдѣнскѣ» Новикова, въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина и въ «Лѣтописяхъ Московской древности» Снегирева. Преевщенный Евгеній, доносилъ объ этомъ синоду, прибавилъ, что епархіальному началству «ничего положительнаго объ означенномъ колоколѣ не извѣстно».

Синоды, рассмотрѣвъ приведенныя углицкимъ духовенствомъ свидѣнія о колоколѣ, сдѣлали ихъ, точно такъ же, какъ и сообщенныя архіереемъ Георгіемъ, удовлетворительными, и въ опредѣленіи своемъ, подписанномъ 11-го іюля 1851 года, объявили, что сими свидѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено было въ Углицѣ убійствѣ царевича Дмитрія, и что, вѣроятно, мысль сія уже пошла въ ходъ въ повѣстьяхъ самихъ углицкихъ жителей извѣстѣмъ, напечатанныхъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1850 года, №5. Этимъ и окончилось дѣло о возвращеніи колокола. Въ 1888 году, въ

Углицѣ, опять возникло въ етербургъ привезать выборный тать о возвратѣ его изъ гор.

колоколъ будетъ уже въ Угли

Въ Новгородѣ, на колоколъ историческихъ большихъ коло въ 1660 году, въ царствованскій домовый мастеръ Ермола

«Вседневный» литъ тоже хіерейскаго дома, въ царствнѣномъ 300 пудовъ; лити ма

Интересны тамъ еще два при царѣ и великомъ князѣ Христава (которая уже не сущеусердіемъ прихожанъ. Тамъ въ Тихвинскій Введенскій дѣного гостя Ивана Юдина Ксе Григорія, и родителей.

Въ Новгородѣ древнихъ ескими, такъ и иностранцами, колокола XVI вѣка: одинъ въ ковою надписью: «Лѣто 7039 Троицы и чудотворца Никольтителю Михаилу, при благовнѣтъ всея Руси при архіеписМакарѣ и при игуменѣ Левѣ

Въ Хутынецкомъ монастырѣ и внизу: «Божією милостію и Московскаго и Новгородска Югорскаго и Пермскаго, Витецарства благовѣрныхъ и хриИвановича» и пр. При нѣколнись на колоколѣ, видно, въ книженіи Василія III.

Въ Знаменскомъ соборѣ в что онъ слитъ въ Новгородѣ и по завѣту преевщеннаго великаго Новгородца, «чтобы днца православныхъ крестьянцрадной смерти»; литъ масте

Въ Успенской церкви упр докола, литые при Іоаннѣ IV

Въ Духовѣ женскомъ мона

сетъ колоколъ съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1546 году княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Ворончанскимъ. Колоколъ этотъ давно разбитъ; но народъ бережетъ его какъ святыню, и каждый изъ стариковъ этого села во время Пасхи хотъ одинъ разъ побываетъ на колокольнѣ, чтобъ удруить въ разбитый колоколъ. Народное преданіе почему-то почитаетъ этотъ колоколъ за святость.

Не менѣе замѣчательный колоколъ находился въ Полтавѣ, въ оградѣ соборной церкви. На немъ слѣдующія надписи:

- Въ року тысяча шестьсотъ девять десятъ пятомъ,
- По славномъ Казн-Керменѣ отъ христіанъ вятомъ,
- За царство Росскихъ царей Петра, Іоанна,
- За гетманство Мазепы, Богомъ дарованна,
- Сооруженъ есть звонъ сей къ Божіей славі,
- До храму Успеніи во градѣ Полтавѣ,
- Изъ штугъ Казн-Керменскихъ артишнхъ здобычнхъ,
- З придачками матерій до звона приличнхъ,
- Коштомъ его милости войскъ Полтавскихъ вѣжа
- Манда Семеновича Украиня вѣжа.

Внизу сдѣлать Асанацій Петровичъ», подъ ушами вокруг колокола: «Робу 1695 поемвріа днѣ 10»; направо отъ надписи семиконечный крестъ въ сѣдинѣ, потомъ гербъ Герциковъ, въ центрѣ сердце (Herz) съ четвероугольнымъ равностороннимъ крестомъ (такъ называемымъ греческимъ), а сверху изъ страусовыхъ перьевъ выходящая рука съ конькомъ, остриемъ кверху, и наконецъ, изображеніе Божіей Матери, въ ростъ съ предвѣщаніемъ младенцемъ на десной рукѣ; возлѣ, у главы Царицы небесной херувимы, а внизу, у самыхъ ногъ, два ангела.

Въ бюварѣ Бучевича о Казн-Керменскомъ колоколѣ повѣрно сказано, что упомянутое изображеніе представляетъ Успеніе (sic!) Богоматери, при чемъ г. Бучевичъ опустилъ главное: по сторонамъ герба Герцика стоять въ алфавитно буквы: П. П. В. П. П., справа: Ц. В. З. П. С., т. е., инициалы свѣтлѣйшихъ царскихъ величествъ войскъ запорожскихъ, etc... Этотъ рисунокъ памятникъ слѣдой старинны назначенъ къ уничтоженію по волю истребленіи Успенскаго полтавскаго собора — и въ нынѣшнемъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ привезенъ въ Москву на заводъ г. Финляндскаго для слитія изъ него новаго колокола. Управление московскаго историческаго музея пожелало сдѣлать эстампъ съ надписей на колоколѣ, а съ остальныхъ изображеній — копія изъ гипса.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не нашли никакихъ средствъ спасти отъ гибели этотъ замѣчательный колоколъ?

5-го іюня 1890 года, въ гор. Харьковѣ, на колокольномъ заводѣ П. П. Рыкова, состоялась отливка царскаго колокола изъ серебра — колоколъ предвѣщенъ для Успенскаго кафедральнаго собора. Въ первомъ ярусѣ колокольни устроится изъ желѣза раковина, въ которой и будетъ висѣть колоколъ; благовѣсть его будетъ раздаваться ежедневно въ часъ

крушенія императорскаго покровенія 17 пуд. 35 фунт. чинъ и оловка, необходимыхъ колокола состоялось по мысли поступивши отъ духовенства Царскій колоколъ имѣетъ аршинъ его находится цинкельево Величествъ, а подъ ними русскаго славянскаго вязью: Николай-ротной сторонѣ надписи, кто чено самое событіе, въ ознам

Въ православныхъ нашихъ ландіи, большая часть колоколовъ столярскомъ соборѣ колоколъ новую надписи: «Anno 1649 in Kurken Rudensen me feci nobis». Въ Сердобольскѣ, въ шведскій колоколъ съ надписью in excelsis; me funderat Nob

Въ 72-хъ верстахъ отъ Петербурга царевича Алексея Петровича: первый изъ нихъ — датский онъ изъ новгородскаго собора — иностранный съ слѣдующей: En ego samraua nungam den 1619 iuni. Iosephi Henrici I.

Самый большой колоколъ собора, вѣсъ его 1,860 пудовъ, вѣсъ 49 пудовъ 29 фунтовъ, вѣсъ ихъ 4,349 пуд. 14 фунт. они отлиты въ С.-Петербургѣ Икономъ Макаровымъ Стуко

На Петропавловскомъ соборѣ большой изъ нихъ 209 пудовъ, совые колокола, которыхъ 38, колоколовъ имѣется литая на 16,506½ фунтовъ, вѣсъ въ соборѣ замѣчательныя первые ч. Рождества Богородицы. Пер 1796 году мастеромъ Антип 13 фунтовъ; второй колоколъ дерманъ Константинъ Саво 25 фунтовъ; третій «поведе

же метромъ, вѣсу въ немъ 61 пудъ 18 фунтовъ; онъ разбитъ и не употребленъ. Четвертый колоколъ вылитъ въ Петербургѣ «1734 года, ноября 30-го, лить его комисаръ Семенъ Леонтьевъ», разбитъ и тоже безъ употребленія. На Свободномъ соборѣ большой праздничный колоколъ, вѣсомъ въ 607 пудовъ, лить владѣскій мастеръ Смирновъ въ Петербургѣ; третій «подіедейный» лить мастеръ Константинъ Слизонъ въ Москвѣ въ 1757 году, вѣсъ его 240 пудовъ 5 фунтовъ. Въ Симеоновской церкви большой колоколъ, вѣсомъ въ 267 пудовъ 17 фунтовъ, лить въ гор. Валдаѣ, въ 1811 году. На Спасо-Виновокой колокольной въсѣхъ колоколовъ пятнадцатилѣтній изъ нихъ вѣсомъ въ 542 пуда 18 фунтовъ; вылитъ въ Москвѣ въ 1780 году января 20-го на заводѣ Ивана Струговицка; лить при немъ желѣзный въ 17 пудовъ 5 фунтовъ; надпись слѣдующая: «Ассессора Саввы Яковлева къ церкви Успенія Пресвятой Богородицы что на Сѣнной». Существуетъ преданіе, что при жизни Саввы Яковлева, очень тщеславнаго человѣка, вышедшаго изъ крестьянъ Тверской губерніи, звонили въ этотъ колоколъ только тогда, когда онъ это дозволялъ, и будто бы языкъ изъ чьему-то прикрѣплялся особливо цѣпью, которую Яковлевъ запираетъ замкомъ, а ключи держалъ у себя и выдавалъ имъ, когда хотѣлъ. Другой колоколъ «Богородичный» въ 274 пуда 26 фунтовъ отлитъ въ 1780 году. Больше другихъ древень колоколъ «любоведивный» въ 78 пудовъ 32 фунта, отлитый въ 1762 году ко дню воздвиженія Екатерины II изъ Москвы, послѣ коронаціи. Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать о двухъ колоколахъ, которые въ Псковой губерніи. Першій, самый большой, виситъ на сѣверной башнѣ въ числѣ другихъ колоколовъ, вѣсъ въ немъ 800 пудовъ; онъ вылитъ въ 1658 году фикдивеніемъ знаменитаго патріарха Никона и перевезенъ сюда изъ Псковскаго монастыря въ 1724 г. Другой колоколъ на южной башнѣ «подіедейный», вѣсомъ въ 200 пудовъ. Всѣхъ колоколовъ въ Петербургѣ насчитывается болѣе 1400 штукъ, изъ числа которыхъ едва ли треть будетъ прошедшаго столѣтія.

Въ нынѣшнемъ году заграничій изобрѣтатель инструментъ, цѣль котораго замѣнить колокола — названіе ему «кодонофонъ». Новый инструментъ имѣетъ видъ пикафа. Въ немъ помѣщается нѣсколько десятковъ трубокъ, по которымъ ударяетъ особенный молотъ. Говорятъ, что по силѣ звука кодонофонъ не уступаетъ самымъ мощнымъ чистотамъ колоколамъ.

ОГЛ
 Какъ жили старину
 Азартныя игры старину
 Моды и модники стараго времени
 Началозрѣлище, баловъ, маскарадовъ
 Эпоха рыцарскихъ каруселей и алег
 Нашъ театръ въ эпоху Отечественн
 Дѣя. генерализемуса Суворова
 Отецъ Суворова
 Стародоніе старинки, пустошиты
 Историческіе колокола

